

— Жун'эр! Жун'эр!!

Император, обливаясь холодным потом, вскочил с постели и понял, что на улице всё ещё темно, а ливень не утихает. Мальчик, спавший в соседнем покое, босиком вбежал к нему и обнял:

— Брат, я здесь.

Услышав этот детский и незнакомый голос, император содрогнулся и резко опустил взгляд. Увидев перед собой смуглое лицо «Жун'эра», его полные губы, он грубо оттолкнул мальчика и, словно что-то вспомнив, босиком выбежал из покоев. Слуга, стоявший на посту у дверей, продрогший и промокший под холодным дождём, в ужасе воскликнул, увидев, как государь босиком выходит на улицу:

— Ваше Величество, куда вы?!

Император, казалось, всё ещё был во власти кошмара, но при этом выглядел совершенно прозорливым. Его белоснежная ночная рубашка мгновенно промокла, губы посинели от холода. В смятении, словно пытаясь обмануть себя, он спросил:

— Где Жун'эр?!

Слуга тут же ответил:

— Принц Жун во дворце Юнсин. Только что оттуда передали: стена палат обрушилась.

Император пришёл в ярость:

— Как Жун'эр мог оказаться во дворце Юнсин? Кто его туда запер?!

Слуга не осмелился ответить. Император, чьи ступни уже заледенели, с раздражением отчитал его:

— Бездари! Ничего не можете устроить как следует!

Слуга покорно закивал, тут же снял свои туфли и подал государю. Обувшись, император наконец согрелся. Бросив на слугу взгляд сквозь пелену дождя, он приказал:

— Немедля готовь повозку!!

Слуга бросился во двор готовить экипаж, позабыв даже о зонте. Когда император уселся в повозку и накинул поданную лисью шубу, он продолжал ворчать:

— Бездари! Бездари!!

Он твердил это снова и снова. Слуга не понимал, что государь имеет в виду, хотя, возможно, догадывался, но не смел строить предположений и лишь без умолку кивал:

— Ваше Величество, пощадите! Ваше Величество, помилуйте! Ваш слуга глуп, ваш слуга — бездарь. Я уже распорядился, чтобы принца Жуна вывели. Он в безопасности, его разместили в гостинице у дворца Юнсин. Принц Жун и его... его... с ними всё в порядке.

Слуга не посмел назвать ребёнка принца наследником, но и не знал, как иначе обратиться, потому промямлил. Император же продолжал брюзжать:

— Бездари!

Когда император наконец добрался до гостиницы, где находился красавец, была уже глубокая ночь. Снаружи здание плотным кольцом окружила стража. Император, всё ещё в тесных туфлях слуги, неуклюже поднялся по лестнице и, не дойдя до комнаты красавца, громко крикнул:

— Жун'эр!!

Красавец кормил ребёнка. Малышу было всего три месяца, и, перепуганный обрушением стены, он не унимался, всхлипывая и захлёбываясь даже у груди. Император с грохотом распахнул дверь комнаты, охраняемую воинами, и увидел красавца на ложе — тот не успел как следует поправить одежду. Государь бросился к нему, весь мокрый, с лицом, побелевшим от холода. Его тёмные, точно озёрная гладь, глаза были полны наваждения. Припав на одно колено, он воскликнул:

— Жун'эр!

Красавец нахмурился. Не видя императора полгода, он счёл, что с братом творится неладное. Император и вправду, возможно, был не в себе — с тех пор, как взял к себе того нищего мальчишку, слуга замечал, что государь становится всё страннее. Он вроде бы понимал разницу между нищим и настоящим Жун'эром, но в то же время намеренно смешивал их, не позволяя слуге при нём упоминать дворец Юнсин. Слуга не мог постичь его истинных мыслей и лишь ломал голову, стараясь угодить, дабы однажды не лишиться её за неверное слово или оплошность.

Красавец с отвращением отодвинулся к стене. Его брат-император, похожий на нищего, смотрел на него с жадной и, безумно улыбаясь, сказал:

— Жун'эр, я пришёл за тобой.

Император обхватил его за талию, прижав мокрую голову к телу красавца, и, вдыхая молочный запах, радостно проговорил:

— Брат пришёл за тобой. За нашим ребёнком.

Красавец вздрогнул от изумления. Император, кажется, тронулся умом — то ли вправду, то ли притворно — и, обнимая его, причитал:

— Жун'эр, не сердись. Я заберу вас назад.

Властной рукой император выхватил у него свёрток с младенцем и, уставившись на ребёнка, вдруг рассмеялся — до слёз.

— Дитя, что ты родил для брата, Жун'эр. Я заберу вас назад.

Красавец, глядя на промокшую насквозь рубашку брата, видневшуюся под роскошной шубой, усомнился: не отшибло ли тому разум холодным дождём.

Император забрал красавца с сыном в Ханьский дворец. Слуга не мог понять его мыслей: то государь гнушался красавцем, держал того взаперти во дворце Юнсин, не интересуясь им, то, казалось, возносил на самую вершину, желая быть рядом и за трапезой, и во сне. Говорят, императоры бессердечны и одиноки, но слуге казалось, что его господин порой бывал

бессердечен, а порой проявлял некую толику чувств, искусно обманывая при этом себя. Например, это он сам отравил свою мать, но не позволял никому о том говорить. Когда вдовствующая императрица скончалась, он семь дней и ночей просидел у её гроба, выплавав глаза, словно самый благочестивый сын, но когда пришло время погребения, не позволил захоронить её в императорской усыпальнице рядом с покойным императором, а велел отвезти тело в дальний уезд и закопать на холмике с более-менее сносным фэншуй. Похороны были предельно скромными.

Молва, достигнув народа, превратила императора в почтительного и бережливого доброго правителя, что не стал разорять казну и утруждать народ пышными похоронами. В глазах подданных государь стал простым и заботливым владыкой. Словом, все лавры достались ему, и молва об императоре была неплохой.

Император поселил красавца в Западном дворце, где обитал сам, и не позволил тому спать в соседнем покое, а уложил в свою собственную постель. Колыбель с его сыном также поставили в опочивальне. Казалось, государь вкусил радостей семейной жизни. Он скрыл подлинное имя красавца, пожаловав тому титул Чжаои — наивысший после императрицы, — и объявил, что это красавица, привезённая им из инспекционной поездки в Ючжоу. Во дворце, разумеется, были те, кто помнил прежнего принца Жуна, и поползли пересуды:

— Эта госпожа Чжаои — красавица из Ючжоу или же из Драконьего города?

Никто не смел говорить открыто, а тех, кто болтал лишнее, император травил — яд, кажется, был его любимым орудием. После возвышения красавца всех сановников, кто осмеливался усомниться или возразить, ожидала чаша отравленного вина, включая честных и прямых слуг государства. Бывшие приверженцы вдовствующей императрицы притихли. Император, кроме двух самых ненавистных ему старых подлецов, не стал преследовать остальных, даже не понизил в ранге, а порой, в хорошем настроении, даже выдвигал кого-либо.

Столь великодушный государь позволил партии вдовствующей императрицы сойти на нет. Одна династия сменяет другую — раз пала императрица-мать, надлежало сменить хозяина и продолжать жить в мире.

Красавец не мог привыкнуть к новой роли. Брат казался ему слишком одержимым. Он начисто изгнал прошлое из речей и не позволял красавцу вспоминать о годах, проведённых у хунну. Внешне он называл сына красавца своим, но втайне не желал даже дать тому имя, не брал на руки, а поручал слугам, и не любил, когда красавец сам нянчил дитя.

Вернувшись с утреннего приёма и задержавшись по делам, император под вечер вдруг радостно принёс в покои ребёнка, которому не было и года, протянул его красавцу и с нежностью молвил:

— Жун'эр, наш ребёнок.

Красавец кормил своего сына грудью. Увидев незнакомого младенца, он тут же понял, чей это. В огромном Ханьском дворце у императора было лишь двое детей — оба от госпожи Жунхуа. На пелёнках этого малыша красовалась вышивка с пышными облаками — чей же ещё он мог быть?

Красавец молча продолжал кормить своего, не обращая внимания на ребёнка в руках императора. Государь поднёс своего сына к нему и с обидой в голосе сказал:

— Жун'эр, покорми его. Пин проголодался.

Младенец только что наелся молока кормилицы и, посасывая пальчик, сладко спал. Красавец, обняв своего сына, наконец взглянул на императора — взглядом, полным жалости:

— Брат, что с тобой?

Император опустил глаза и печально промолвил:

— Почему ты не кормишь нашего ребёнка?

Красавец погладил его по голове и с покорной нежностью принялся утешать.

<http://bllate.org/book/16253/1462029>